

Татьяна

Перцик

Самое ценное

В ЖИЗНИ

Татьяна Герцик
Самое ценное в жизни

«Дана Хадсон»

2012

Герцик Т.

Самое ценное в жизни / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2012

Стоит ли рушить семью, если любимый ошибся? Или доверие – это фундамент, без которого не может быть ни любви, ни счастья? Кто прав, Татьяна, не желающая простить обиду, или Владимир, мучающийся в разлуке? Рассудить очень сложно, ведь правда у каждого своя...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Герцик

Самое ценное в жизни

Глава первая

Мчавшийся по проселочной дороге УАЗик на полном ходу въехал на скрытый под грязной лужей пяточок вязкой жирной глины. Изношенные колеса провернулись, машину вынесло на обочину и чуть не ударило левым боком об ствол корявой березы, растущей в опасной близости от дороги. Опытный водитель твердой рукой выровнял УАЗик, и снова нажал на газ. Сидевшая рядом с ним Татьяна оторвала от металлического поручня дрожащую руку и провела ею по влажному лбу. С досадой посмотрела на грунтовую дорогу, напрочь разбитую тяжелыми грузовиками.

– Где мы сейчас едем, Константин Иванович? Определиться не сможете? – голос Татьяны звучал утомленно. – Может, где-нибудь рядом есть местечко, где можно передохнуть?

Водитель, немолодой солидный мужчина в ветровке защитного цвета и практичных черных джинсах, внимательно огляделся вокруг. Непонятно, что можно было разглядеть посредине убранного картофельного поля, редкие деревья по краям сельской дороги не представляли сколько-нибудь точного ориентира. Тем не менее, сверившись со спидометром, через минуту он уверенно доложил:

– Через пару километров будет главная усадьба бывшего совхоза «Путь Ильича». Сейчас он называется по-другому, какое-то там ООО, не знаю, какое. Село хорошее, большое, по нашим уральским меркам даже ухоженное. На главной улице, возле автобусной остановки, есть кафешка. Не был здесь пару лет, но, думаю, что еще работает. Можем заскочить, посидеть с полчасика, в себя прийти, если хотите.

Татьяна согласно закивала. Она жутко устала. Они тряслись по бездорожью уже больше пяти часов. От тряски все внутренности разболтались и неприятно ныли. Казалось, желудок перевернулся и вернуть его на свое законное место больше не удастся никогда.

Вдоль дороги заструился удивительный в своей осенней красоте лес. День выдался погожий, без ставших привычными дождей и туманов. Татьяна без помех любовалась готовящейся к зиме природой, досадуя, что упаковала фотоаппарат. Позже в мастерской, взглядывая на фотографию и воскрешая в памяти умиротворение, разлитое вокруг, вполне можно было написать пару сюжетов. Вот мимо промелькнула нарядная, вся в тяжелых пламенных гроздьях, тонкая рябинка. Вплотную к ней прижался стройный до утонченного изящества молодой клен в кипе ярко-золотой листвы с изломанными багряными пятнами. Она проводила их жадными взглядами: какой чудный мотив! За этими прильнувшими друг к другу деревьями угадывалась подлинная страсть.

На очередной рытвине, скрытой толстым слоем листвы, машину так потрянуло, что замечтавшуюся пассажирку подбросило почти до потолка. Если бы она предусмотрительно не держалась за поручень, вполне могла бы себе что-нибудь сломать. Татьяна закрыла глаза, и, почувствовав дурноту, с усилием сжала зубы и низко опустила голову.

Минут через пять закаленный в путевых битвах дядя Костя успокаивающе произнес:

– А вот и Охлопково, Танюша! Добрались! Дальше дорога нормальная, асфальт до самого дома!

Татьяна устало посмотрела вокруг. Действительно, узкая грунтовая дорога, по которой они ехали, вилась параллельно федеральному шоссе. Вот и крутой въезд, который Константин Иванович взял с налета. От глины, налипшей на колеса, за ними потянулась яркая рыжая полоса, хорошо видимая на черном асфальте.

Лихой водитель уверенно поддал за сотню километров и через несколько минут, проехав по центральной улице большого села, подлетел к деревянному кафе, стилизованному под старинный боярский терем. Татьяне понравились нестандартное резное крылечко и расписанные цветочным орнаментом наличники. Кафе называлось шаблонно – «Огонек». Она подивилась бедности воображения селян. Или это традиция такая – иметь в каждом более-менее зажиточном селе кафе с таким названием? Своего рода обозначение статуса?

Осторожно, боясь споткнуться, выбралась из машины, с трудом шевеля онемевшим от напряжения телом. Чтобы восстановить кровообращение, несколько раз с силой топнула затекшими ногами, обутыми в короткие сапожки на толстой удобной платформе. Она всегда надевала их в дорогу.

Татьяна, на ее взгляд, была одета очень просто: в удлиненную синюю куртку под цвет глаз, черные брюки, заправленные в низкие сапожки. Единственная дань женственности – повязанный поверх куртки кокетливым бантом переливающийся всеми оттенками голубизны тонкий шелковый шарфик, контрастирующий с яркими бронзовыми волосами, собранными на макушке в несколько растрепавшийся узел.

Проходившие мимо мужики в замызганных черных телогрейках и грязных кирзовых сапогах, осмотрели ее с головы до пят, и в полный голос обменялись мнением о выдающихся прелестях залетной городской пташки.

Чтобы не слышать их малоприличные разговоры, Татьяна стремительно зашла в кафе. Она давно привыкла, что мужчины, что городские, что деревенские, никогда ничего доброго не говорят. Пошлятину одну. Особенность сильного пола?

В небольшом чистеньком зальчике стояли добротные резные столы из мореной древесины, явно изготовленные местными умельцами. Дерево, похоже, было извлечено из протекавшей рядом реки во время чистки русла. Возле столов стояли скамейки им под стать. На стене напротив широких окон висело несколько аляповатое панно на любимую сельчанами тему уборки урожая. Деревья и пшеница у художника получились относительно достоверно, видимо, он досконально был знаком с изображаемым предметом. Но вот два нелепых уродца, долженствующие изображать крестьянина и крестьянку, явно нуждались в коррекции. Синюшные руки длиной во все короткое туловище, с неистовой яростью вцепившиеся в снопы, вызвали в памяти Татьяны отвратительных инопланетян из американских ужастиков.

Она заглянула в туалет, сноровисто скрутила перед зеркалом волосы в плотный узел, закрепила шпильками, и, вымыв руки, вышла в зал, где Константин Иванович степенно сидел за столиком у окна, поджидая спутницу. Он уже осмотрелся в местных палестинах и одобрительно доложил:

– Чистенько тут, культурно. Приятно посидеть. Будем надеяться, что и кормят неплохо.

Татьяна устроилась напротив, вытянула всё еще ноющие ноги и постаралась расслабиться. Весьма пухленькая особа в обтягивающих синих джинсах и синей же джинсовой рубашке, с кокетливой белоснежной наколкой на взбитых обесцвеченных волосах, подошла к ним так стремительно, будто собиралась взять на абордаж. На симпатичном лице играла нарочито приветливая улыбка, обнажая неухоженные зубы. Официантка явно пересмотрела импортных фильмов, где подобные вымороченные улыбки являлись обязательным атрибутом. Подала меню, написанное от руки шариковой ручкой на сероватом листке в клеточку, небрежно вырванном из школьной тетрадки.

Бывалый дядя Костя от никчемной бумажки просто отмахнулся, как от назойливой мухи. Не скрывая опасения, попросил:

– Ты, милая, давай нам то, что сама съесть не побоишься. Никаких изысков нам не надо, мы люди простые, неприхотливые даже.

Официантка пожала мощными плечами и несколько обиделась:

– Да мы вроде еще никого не отравили!

Константин Иванович немедля поймал ее на слове:

– Ага, это правильно сказано – вроде! Если посетители не местные, а таких, я думаю, большинство, то откуда ты знаешь, в каком состоянии они до дома доехали? По такому поводу ведь в милицию не побежишь, это ведь не криминал. Так что неси проверенное, свежее, и, по возможности, вкусное.

Девушка понятливо кивнула головой в знак согласия, и удалилась за загородку, вихляя пышными, в мягких складочках, бедрами. Мужчина с интересом посмотрел ей вслед.

– Надо же, какая фактура пропадает! – вращаясь среди интеллигентной публики, он знал много интересных выражений.

Татьяна скептически хмыкнула, отметив его ненаблюдательность.

– Почему же пропадает? Наоборот, пользуется повышенным спросом! – и повела длинными ресницами в сторону бара, где за высокой стойкой, облокотившись на черный пластик, тихо сидела пара субчиков, с откровенным вождением провожавших аппетитную официантку канибальскими взглядами.

Когда та скрылась из виду, они продолжили прерванный новыми посетителями разговор. Звук в небольшом зале разносился хорошо, поэтому гостям ничего не оставалось, как слушать. Парень в серой куртке сердито заметил, аппетитно хрустя «Кириешками», вытряхивая их из пакетика прямо в рот:

– Владимир осел такой, сколько от своей дурной бабы терпит! Я бы на его месте давно ее к мамочке отправил, и навсегда!

Его товарищ, облаченный во фланелевую рубашку в крупную серо-зеленую клетку, опрокинул в глотку полулитровую кружку светлого пива, промокнул губы обтрепанной манжетой и для проформы, чтобы поддержать разговор, спросил, давно зная ответ:

– А что, опять?

Парень в куртке хотел было в сердцах сплюнуть на пол, но, спохватившись, что находится в общественном месте, а не в чистом поле, сдержался, чуть прихрюкнув от прерванного движения.

– Ну, конечно! Закатила очередной скандал, никого не стесняясь. Причем прямо на улице. Народу рядом было – тьма! Но ей все нипочем. Мы для нее кто? – быдло серое! Кого стесняться?! Так визжала, что на соседней улице было слышно. Как свинья, которую корова в зад лягнула. И знаешь из-за чего?

Парень в рубашке пожал плечами.

– Нет, не слышал.

– Сходить ей, видишь ли, некуда! В театр она захотела, бедняжка! В областной центр, откуда ее сиятельство родом, из Москвы приехал ее любимый театр. Я название толком не разобрал. Маленький, что ли.

– Может, Малый?

Он недоверчиво скривился.

– А что, есть такой? Странное какое-то название.

Более образованный собеседник неуверенно прокомментировал:

– Да вроде...

Рассказчик пораженно почесал затылок.

– Да уж, теперь как только театры не обзывают. Раньше-то хоть думали, как назвать, а теперь – что попало! Я вон по телевизору видел, в Москве и табакерка какая-то есть. Что там люди делают, табак, что ли, нюхают? Ну, в общем, приезжает этот театр, а она, видишь ли, не может даже на спектакль сходить, поскольку живет в дикой глуши, жертвуя собой! И из-за кого? Из-за мужа, которого не видит, поскольку он днем и ночью на работе!

Собеседник матюгнулся, не скрывая своего отвращения.

– С собой жертвует? Делать бабе нечего! Сколько они вместе живут, лет десять? И ведь за это время ни дня не работала, даже поросят и тех не держит. Вот с ума от безделья и сходит. Говорят, она и по дому ничего не делает. Моя мать уверяет, что Володька даже суп сам варит! Представляешь? – второй парень с нескрываемым ужасом посмотрел на собеседника, не веря в столь чрезмерно компрометирующий этого самого Володьку факт. – А его баба по санаториям каждый год мотается, чего лечит, непонятно. И какого лешего он терпит? Хоть бы красавица была, еще можно было бы понять, а то скелет скелетом, подержаться не за что! Одна ее проквашенная физиономия чего стоит!

Парень в серой куртке с сомнением возразил, сам не веря собственным словам:

– Так ведь дочка у них.

Собеседник высыпал в рот остатки сухариков, и, смачно жуя, под непрерывный хруст сурово доложил свое мнение:

– Да уж и дочурка вся в свою великолепную мамашу – ни во что отца не ставит! Вторая мамочка, такая же простокваша!

Из кухни, прервав душещипательный разговор, появилась дородная официантка, крепко держа в руках полный поднос, от которого по всему помещению разнесся шлейф ароматного запаха. Посетители кафе дружно устремили на нее пристальные взгляды. Впрочем, интерес у всех был разный. Парни пускали слюни от неодолимого животного соблазна, а посетители с радостно загоревшимися глазами почуяли избавление от голода. Благодетельница солидно, без ненужной спешки, вполне осознавая всю значимость момента, подплыла к столику приезжих и составила с подноса гору разных яств.

Тарелки с вкусно пахнувшим бордовым борщом, соблазнительного вида здоровенными отбивными с желтоватым пушистым пюре, салатом из сочных свежих помидор, огурцов и ярких красно – желтых кусочков болгарского перца, обильно сдобренный густоющей деревенской сметаной, украсили собой пустой стол. Завершали пир два стакана крепкого коричневого чаю с плавающими чайниками. Отдельно стояла тарелка с крупно нарезанными кусками свежеиспеченного ноздреватого домашнего хлеба.

Выставив всё это изобилие на стол, официантка насмешливо скомандовала:

– Ешьте! Не отравитесь!

Дядя Костя растроганно пробормотал:

– Спасибо, милая! – и энергично принялся за еду.

Татьяна последовала его примеру. То ли они сильно проголодались, то ли пища, приготовленная из натуральных продуктов, была на редкость вкусной, но они управились с немаленькими порциями всего за десять минут. Довольно посмотрели друг на друга, понимая, что им крупно повезло. Дядя Костя, откинувшись на спинку скамьи, удовлетворенно погладил себя по кругленькому животу, рельефно обозначившемуся под хлопковой футболкой, и призывно помахал рукой официантке, чтобы шла к ним за расчетом. Но она не обратила на него никакого внимания. У нее были дела поважнее.

Она возлежала грудью на широком подоконнике, что-то высматривая на улице, выставив для всеобщего любования плотно обтянутую тугими джинсами обширную пятую точку. Увидев наконец, что ждала, повернулась к парням у бара.

– Бросьте вы ерунду городить! Наша фифа на остановку тащится, опять уезжает! – И с сожалением воскликнула, приложив руки к румяным щекам и недовольно качая головой: – Неужели Владимир Матвеевич опять за ней к ее мамаше отправится?! Опять упрашивать будет, чтобы вернулась?! И зачем она ему нужна?

Парень в серой куртке скабрёзно хихикнул:

– А может у нее масса скрытых талантов, из тех, что не про всех? Может, она их ему по ночам демонстрирует? – при этом он с намеком обвел ласкающим взглядом хорошо видимые ему прелести официантки.

Та безапелляционно отрезала:

– Нету у нее никаких талантов! Ни дневных, ни ночных! Дура она набитая, вот и всё ее отличие от нормальных людей! – и в упоении взвизгнула: – А вон и она ползет со своей доченькой!

Татьяна вместе со всеми рефлекторно повернула голову к большому, во всю стену, чисто вымытому окну. По противоположной стороне широкой улицы, перекошенная от веса вздрюченного на плечо огромного замшевого баула, тащила хорошо одетая худощавая женщина в длинном кожаном плаще с декоративной меховой опушкой.

Все мужчины, встречающиеся ей на пути, и, по мнению Татьяны, просто обязанные помочь слабой женщине, недовольно шарахались от нее, как от прокаженной. Какой-то бородастый мужик даже плюнул ей вслед, что-то зло прокричав. Что – не было слышно, но смысл угадывался без труда: катись-ка ты подальше!

Таня повнимательнее взгляделась в уезжавшую, и решила, что женщина была бы симпатичной, если бы ее не портило брезгливо-надменное выражение ухоженного лица. Следом с точно таким же видом, копируя мать даже в мелочах, шла девочка лет десяти в брючном джинсовом костюмчике, до колен заляпанном рыжей грязью. За плечами у нее висел довольно тяжелый зеленый рюкзачок, украшенный яркими малиновыми вишенками.

Тоскливая пара, резко отличаясь от окружавших их оживленных сельчан, пересекла площадь и остановилась перед автобусной остановкой. Стоявшие на остановке люди тут же отошли от них на безопасное расстояние, будто боялись заразиться.

Таня заметила, что женщина с девочкой демонстративно отвернулись от небольшой толпы, задрав к небу одинаковые тонкие носы. Сельчане платили им такой же откровенной неприязнью, молча разглядывая их с ног до головы с неуважительными гримасами, но молчали.

Официантка еще сильнее прижалась носом к стеклу, вся во власти захватывающего зрелища. Горячо заявила:

– Эх, высказать бы этой фифе всё, что она заслужила, но ведь Владимир Матвеевич будет недоволен! – Обозрев солидарно молчащую толпу на остановке, угрюмо прокомментировала: – И ведь никто ей ничего не говорит, потому что мужа уважают! Вот ведь хорошо устроилась! И слова-то ей поперек не скажи!

Парни отставили дорогие сердцу пивные кружки и тоже подошли к окну. Удивились, рассмотрев непривычную картину:

– Надо же! До чего довели ее сиятельство! На автобусе уезжает! И что же ее папочка самолично не приехал спасать несчастную дочурку? Машина сломалась, что ли? Или папаше дурная дочь надоела?

Официантка недобро фыркнула, в порыве гнева крепенько ударившись лбом об стекло, отчего оно опасно задребезжало.

– Да пусть хоть на помеле катится! Лишь бы обратно больше не появлялась!

Она выпалила эти слова с такой презрительной злобой, что даже толстокожий дядя Костя обернулся и посмотрел на уезжающую мать с ребенком. Решив, что ничего захватывающего в этом зрелище нет, скорее наоборот, повернулся и строго указал:

– Давай-ка рассчитывай нас, милочка! Нам ваши спектакли смотреть некогда. А порадоваться бегству недругов всегда успеешь. Будет что вспомнить вечерком с подружками. Они, я думаю, тоже за этим наблюдают.

Бедная зрительница, оторванная от заключительной сцены в самый душераздирающий момент, мигом выдала на-гора результат:

– Восемьдесят рублей на двоих! – и снова уставилась в окно.

Константин Иванович пожал плечами, посчитав, что это чересчур дешево, но спорить не стал. Может, тут цены такие. Ей виднее. Не могла же она обсчитаться, увлеченная драма-

тическими событиями местного масштаба? Положил на край стола столык и снова окликнул официантку.

Та примчалась, как полноценный вихрь, обдав их сладковатым запахом духов. Втянув живот и непотребно вихля бедрами, отчего наблюдавшие за ней парни шумно проглотили слюни вождления, с некоторым трудом вытащила из тесного кармана джинсов пару мятых десятков, швырнула их на столик и снова подбежала к окну, замерев в прежней охотничьей стойке. И вовремя.

К остановке плавно подкатил изрисованный черно-желтой рекламой «Би-лайна» рейсовый автобус.

Не прося ни у кого помощи, видимо, прекрасно понимая, что от враждебно настроенных односельчан ее не дождаться, женщина запихнула девочку в передние двери, залезла сама и волоком втянула внутрь поклажу, перегородив проход. Все остальные, чтобы не проходить мимо нее, демонстративно зашли в заднюю дверь.

Татьяна с дядей Костей встали, вежливо распрощались с возбужденной официанткой, и вышли на улицу.

Свежий воздух потяжелел, обещая скорый дождь, но солнце еще ярко сияло, и верховой ветер разгонял упорно собиравшиеся на горизонте облака. После тяжелой дороги и сытной еды их разморило, но отдыхать было некогда – осенью темнеет рано. А домой хотелось вернуться до сумерек, и, желательно, по сухому асфальту.

Снова сели в осточертевший автомобиль. Татьяна откинула голову на высокую мягкую спинку, вытянула ноги и сразу задремала. Водитель бросил завистливый взгляд на счастливую пассажирку, завел мотор и, проклиная свою тяжелую шоферскую долю, выехал со стоянки на проезжую часть. Через двадцать минут слева от дороги показались приземистые кирпичные строения.

Осторожно посмотрев на спящую Татьяну, Константин Иванович решил, что от получаса, который он потратит на покупку двух центнеров картошки, ничего не изменится, съехал с шоссе на бетонку, ведущую напрямик к хозяйству «ООО Охлопково».

Татьяна проснулась от грохочущего стакатто, ничего не понимая. Место водителя пустовало. Где же Константин Иванович? Машина стояла рядом с огромными кирпично-коричневыми ангарами, плотной стеной тянувшимися вдоль дороги и кончающимися где-то за линией горизонта. Сонно моргая, посмотрела вокруг. Через пару минут, наконец, заметила своего шофера.

Дядя Костя стоял рядом с подъемником. Помогая себе энергичными взмахами рук, в чем-то горячо убеждал зачуханного мужичонку в черном ватнике, из рваных дыр которого ключьями высывалась серая комковатая вата. Слов не было слышно из-за подъезжавших один за другим самосвалов, с гулким эхом ссыпавших в бункера привезенный картофель.

Нехотя выбравшись из теплого автомобиля и слегка поеживаясь от прохладного ветерка, Татьяна подошла к Константину Ивановичу. На ее вопрос, что он тут делает, тот, старательно сдерживая негодование и из уважения к ее полу используя в своей пламенной речи исключительно литературные выражения, раздраженно пояснил:

– Думал купить домой пару центнеров картошки, жене угодить, а они, черти стоеросовые!..

Он запинался на каждом слове, но сложнейшую задачу не выразиться выполнил. Стоявший рядом мужичок с нетерпением смотрел ему в рот, ожидая нормальных русских слов, но не дождался. Хотя в озлобленном состоянии выразиться по-джентльменски для дяди Кости было непосильным трудом, он справился, подбирая соответствующие настроению литературные обороты.

– Они, идиоты поганые, видишь, не продают свою картошечку небольшими партиями, а только оптовым покупателям и тоннами. Не мелочатся они, у них объемы! Чего им время тратить на простых людей!

Он еще сильнее замахал руками, отчего напомнил Татьяна ветряную мельницу, зло сплюнул на обочину и повернулся, чтобы идти обратно к машине. Восхищенный его беспримерной выдержкой и редким самообладанием мужичок благосклонно посоветовал:

– А ты в участок зайди, там сейчас как раз заседание правления идет. И наш управляющий там. Он мужик понимающий, может, и разрешит купить два центнера вместо пары тонн. – И с намеком подмигнул рыжеватыми выцветшими ресницами, махнув рукой куда-то вдаль.

Константин Иванович решительно зашагал в указанном направлении, не обращая внимания на трубные сигналы самосвалов, требовавших уступить им дорогу. В разъяренном состоянии дядя Костя чувствовал себя ничуть не мельче какого-то там МАЗа или КРАЗа. Не трамваи, объедут! Или подождут, когда он пройдет.

Водители, понимая, что конкурент с избранного пути не свернет, тормозили и показательно крутили около висков коричневыми пальцами, пронзительно свистя вслед. Дядя Костя на подобные гнусные инсинуации не реагировал.

Татьяна из врожденного любопытства осторожно потянулась следом, избегая, однако, столкновений с автомобилями, для чего шла не по центру бетонки, как кичащийся гордым званием человека дядя Костя, а скромно, по самому краешку.

За коричневыми складами виднелся смешанный лес, от которого пахло грибами и лежалой хвоей. Опушка заросла лиственными деревьями – березками, европейским кленом, липами и ольхой, а дальше плотной стеной стоял хвойняк, преимущественно тяжелые раскидистые ели, из которых свечками взмывали ввысь стремительные сосны. Разница между породами создала такой сказочный цветовой контраст от горячего золотисто-пурпурно-багряного к холодному омуту-зеленому, что Татьяна засмотрелась и забыла о цели похода, автоматически следуя за предводителем, как овца за вожаком.

Они споро дошагали по ровной дороге до видневшегося в глубине площадки рыжего кирпичного домика с одним небольшим оконцем. По сравнению с огромными ангарами он казался маленьким и незначительным. Никаких опознавательных знаков на нем не было, и Татьяна засомневалась, туда ли они пришли.

Но Константина Ивановича вело вперед отточенное годами чутье. Подойдя, он по-хозяйски открыл тяжелую дверь, ничуть не сомневаясь в своем праве врываться туда, как к себе домой. Из помещения смрадной тучей выполз столб дыма, и послышался тяжелый гул мужских голосов.

Дядя Костя решительно зашел внутрь, и Татьяна, немного помедлив, пока не рассосется сизая гарь, крадучись, ведомая всё тем же любопытством, прошла за ним, оставив входную дверь открытой, чтобы можно было дышать.

В домике не оказалось никакого коридорчика, и они сразу очутились в комнате, по всей видимости, единственной. После яркого солнца почти ничего не было видно. В помещении царил дымный полумрак, и лица людей различить было невозможно.

От порыва свежего воздуха сизое грозное облако, висевшее над головами мужчин, окружавших большой прямоугольный стол, стало потихоньку таять. Находившиеся в комнате удивленно замолчали и вопросительно уставились на вошедших, не понимая, кто посмел их потревожить во время решения жизненно важных вопросов.

Константин Иванович крякнул, выступил вперед и агрессивно начал обличительную речь.

– Почему это обычному человеку, не ЧП и не ООО, нельзя купить в вашем хозяйстве двести килограммов картошки? Почему раньше, когда здесь был простой колхоз, было можно, а теперь нельзя? Что это за дискриминация?

Произнеся без запинки такое сложное слово, дядя Костя заметно возгордился собой и с важным видом обвел глазами сидящих перед ним руководителей.

Те переглянулись. Сидевший с краю важный толстый мужчина в дорогом черном шелковом костюме, но в заляпанных рыжеватой глиной кирзовых сапогах, поняв, что перед ним заурядный покупатель, высокомерно пояснил, недовольно барабаня во время своей маленькой речи пальцами по исцарапанной столешнице:

– У нас бумаги не хватит всем желающим накладные выписывать, гражданин. Мы производители, а не продавцы.

Татьяна подумала: если это управляющий, то дяде Косте ничего не светит. Чистой воды самовлюбленный бюрократ.

Дядя Костя, разозлившись еще больше, по-петушиному расправил грудь и безоглядно кинулся в борьбу за столь нужную ему картошку.

– Если производители, то и продавать можете как угодно, кто вам запрещает?!

Рассердившийся бюрократ заявил начальственным голосом:

– Хватит, гражданин, не мешайте работать! Мы тут важные дела решаем, а вы лезете с глупостями. Вам ведь русским языком сказали, что по мелочи мы не торгуем!

Бывалый Константин Иванович и не думал сдаваться. Обличающе уточнил:

– А может, вы с перекупщиками картельное соглашение заключили? Чтобы народу жить было тяжелее? Может, на вас в антимонопольный комитет жаловаться пора?

Собрание зашумело. Кто смеялся, кто ругался. Татьяна захотелось зажать уши, чтобы не слышать возмущенных восклицаний руководителей местного масштаба. Она потерела дядю Костю за рукав, желая поскорее убраться восвояси, всё равно ничего толкового от этого непробиваемого толстяка им не добиться.

Тут из дальнего угла, не замеченный ею ранее, поднялся мужчина среднего роста с умным и решительным лицом. Все враз смолкли, выжидающе глядя на него. У Татьяны почему-то гулко екнуло сердце, когда она повнимательнее рассмотрела его строгие правильные черты. Казалось, она уже где-то его видела, хотя никогда прежде с ним не встречалась. Может, его черты знакомы по какой-нибудь картине? И в голове впрямь всплыл портрет генерала Тучкова-четвертого, висевший в Эрмитаже. Да, очень похож.

Не догадываясь о необычных мыслях посетительницы, мужчина вышел из-за стола и твердой походкой подошел к неучтивым визитерам. В отличие от пижонистых сослуживцев на нем были обычные синие джинсы и довольно потрепанная серая куртка. Он пристально окинул девушку цепким взглядом властных серых глаз. Ей сразу стало не по себе, по спине струйкой пробежал ознобистый холодок, о чем-то предупреждая, но характер не позволил отвернуть дерзкий взгляд в сторону, и она вызывающе посмотрела ему прямо в глаза. Но лучше бы она этого не делала.

Тело внезапно вытянулось, как перед прыжком в неизведанное, подобралось и застыло в тягостной неподвижности, не собираясь повиноваться хозяйке. У нее возникла абсурдная уверенность, что в эту минуту что-то произошло, причем настолько значительное, что в ее жизни ничто больше не будет так, как прежде.

Его глаза странно зажглись, остановившись на ее губах, и ей показалось, что сейчас он подойдет к ней вплотную и поцелует, не обращая внимания на окружающих. Она рывком выдернула себя из странного транса, испуганно отшатнулась и отругала за излишнюю впечатлительность. Наверняка у него и в мыслях не было ничего подобного. Вот фантазерка!

Он прекратил озабоченное созерцание девушки и перевел ставший странно напряженным взгляд на ее спутника. Весомо разрешил, не делая лишних движений, будто экономя силы:

– Если вам нужен картофель, можете сами затарить его в мешки и взвесить на грузовых весах. Кузьмич вам поможет. Но предупреждаю – здесь не магазин. Пара килограммов туда-сюда – это нормально.

Мужики закивали головами, соглашаясь с ним, и даже толстый начальник не собирался оспаривать его слова.

Дядя Костя, уже отчаявшийся разжиться дешевой картошечкой, подскочил на месте и сразу взял быстрый старт, лишь кивнув на прощанье головой. Он считал, что добился справедливости сам и благодарить за это некого. Татьяна замешкалась, не понимая, что ее здесь держит, и снова взглянула на мужчину. Он смотрел на нее тяжелым сумрачным взглядом, что-то прикидывая. С трудом вырвавшись из-под гипноза его настойчивых серых глаз, она, исправляя недостатки воспитания своего водителя, быстро пробормотала ничего не значащие слова пустой благодарности, резко развернулась и стремительно побежала следом за Константином Ивановичем.

Невольно дернувшись в порыве отправиться за ней, мужчина своевременно вспомнил о своем долге руководителя и повернулся к собеседникам.

Быстро указал:

– Ну, что же, всё решено, давайте работать!

Толстый хотел что-то возразить, но он властно прервал:

– Хватит, Иваныч! Все знают, что болтать ты любишь больше, чем работать. Что делать, ты слышал, давай действуй!

Мужчины шумной толпой вывалились из домика, на ходу обмениваясь мнениями. Большинство подходило к ожидающим их одинаково потрепанным УАЗикам, садились за руль и разъезжались в разные стороны.

Не обращая внимания на царившую кругом суматоху, дядя Костя вытащил из багажника шесть штук вместительных матерчатых мешков и стал по очереди набивать их под завязку. Картофель был отменный – сухой, чистый, в меру крупный, приятно округлый, с прозрачной, еще молоденькой кожицей. У хозяйственного Константина Ивановича даже глаза заблестели от удовольствия.

Татьяна стояла неподалеку, наблюдая за погрузкой. Внезапно вздрогнула, почувствовав, что рядом кто-то стоит. Не оглядываясь, поняла, кто это. Казалось, у нее внезапно прорезался третий глаз или выиграло внутреннее чутье. Душа томительно заныла, с каждым мигом всё сильнее и сильнее страшась чего-то огромного, непонятного и угрожающего, что несла с собой эта неслучайная повторная встреча. Сразу захотелось убежать без оглядки. Представив, как она будет выглядеть, скача по дороге, как испуганный кролик, мрачно усмехнулась. Никогда с ней ничего подобного не было. Почему одно только присутствие этого человека рождает в ней такое странное чувство? Обхватив себя руками, с трудом заставила тело не двигаться.

Помолчав, натужно дыша ей в затылок, мужчина, казалось, через силу спросил, как ее зовут. Решив, что в безобидном вопросе ничего страшного нет, и никакого криминала не будет, если она ответит, тихо произнесла:

– Татьяна.

Он подвинулся еще ближе, почти касаясь ее плеча широкой грудью. Негромко представился:

– Владимир! – и тут же требовательно спросил: – Вы замужем?

Вместо того, чтобы сказать ему, что это не его дело, как она и ответила бы любому другому, сунувшему свой длинный нос в ее личную жизнь, послушно выдохнула, не понимая, откуда в ней такая покорность:

– Нет, уже нет... – И почти робко спросила, решив, что теперь и она имеет право на такой же вопрос: – А вы?

Он огорченно замаялся, не желая оттолкнуть ее честным ответом. Сразу всё поняв, она бесстрастно заметила, чувствуя, как разочарование захлестывает сердце:

– Что же, говорить больше не о чем.

Владимир порывисто взял ее за руку, собираясь что-то сказать, но замер от охватившего его страстного томления, глядя в ее бледное лицо и не в силах собраться с мыслями. Она тоже оцепенела. От его руки по ее напрягшемуся телу побежал электрический разряд, свел в томительный комок мышцы живота и остановил сердце. Отдернув руку и низко склонив голову, она постаралась вырваться из окутавшей ее пелены чувственного наваждения.

Прерывисто вздохнула, тщетно сиюсь восстановить самообладание. Что это с ней такое? Зачем ей это надо? Уйти немедленно! Но ноги, приросшие к земле, идти никуда не хотели.

Собравшись с духом, подняла взгляд и с подчеркнутым осуждением посмотрела ему в вопрошающие глаза. Он был растерян и обеспокоен. Татьяна заметила, как у него на щеке несколько раз подряд дернулся нерв. Он растер щеку, снимая нервный тик, и обескуражено развел руками, не пряча свою раздвоенность. Медленно признался, с трудом преодолевая внутренний разлад:

– Не знаю, что со мной такое, обычно я вовсе не такой. Никогда ни с кем знакомиться желания не возникало. Но вы – другое дело. Почему-то отчаянно не хочется вас отпускать. – И с напором попросил: – Скажите, кто вы, и где живете. Я вас обязательно найду!

Она отрицательно мотнула головой, с трудом отводя глаза от его пылающего взгляда.

– Ни к чему всё это. У вас наверняка и ребенок есть...

Он кивнул, с болью глядя на ее мгновенно замкнувшееся лицо.

– Дочка.

У Татьяны в голове мелькнула ледяная мысль – еще один ловелас на ее жизненном пути! Отвернулась и прошипела сквозь стиснутые зубы, чувствуя что-то вроде отчаяния:

– Вот видите!

Он болезненно втянул в себя воздух. Наклонившись, жестко спросил:

– Вы хотите, чтобы я вас умолял?

Она отшатнулась от него, встревоженная не столько ожесточением, прозвучавшим в его голосе, сколько гадкими мыслишками, мелькнувшими в собственной голове: а почему бы им и не познакомиться поближе, тем более, что их так тянет друг к другу? А что он женат, так ведь жена не стена, это всем известно. Так поступают все, когда-то это проделали и с ней. Почему она не может ответить судьбе тем же? Но тут же ответила этой незнакомой ей безнравственной Татьяне: я просто хочу себя уважать! С тихой безнадежностью, рвущей сердце, ответила:

– Ничего я от вас не хочу!

Спасаясь от недостойных порядочного человека сомнений, быстро подошла к машине и села на свое место, решительно захлопнув двери, отрезав его от себя. Отвернулась и нарочито пристально стала наблюдать за своим водителем.

Дядя Костя, взвесив мешки на грузовых весах, молодецки закидывал их в багажник. Кузьмич, несмотря на заморенный вид, оказавшийся неожиданно жилистым и сильным, добросовестно ему помогал. С довольным хохотком захлопнув набитый доверху багажник, Константин Иванович крепко пожал на прощанье помощнику руку, вручив нераспечатанную пачку «Примы» в виде честно заработанного приза. Франтовато развернув УАЗик, покотил в бухгалтерию платить за покупку.

Татьяна плотно вжалась в сиденье, стараясь не смотреть в сторону Владимира, но не удержалась. Пока УАЗик фривольно выезжал с разгрузочной площадки перед самым носом вынужденного резко затормозить самосвала, она искоса, пряча горестный взгляд под длинными ресницами, взглянула на Владимира.

Он стоял у бункера, широко расставив ноги, засунув руки глубоко в карманы, и смотрел на нее с мрачной обреченностью. Их взгляды встретились, и она дернулась, как от удара. Обессилено закрыла глаза и отвернулась. Таким он и останется в ее памяти – с взерошенными легким ветерком темно-русыми волосами, плотно сжатым яростным ртом и сверкающими серыми глазами. Если бы он не был женат... Но что попусту гадать? Если бы да кабы...

По дороге домой, резво ведя машину по хорошему шоссе, Константин Иванович без перерыва бахвалился собственными достижениями, принимая безразличное молчание спутницы за одобрение его героическим действиям.

Татьяна устала от этой чванливой болтовни. Сделав вид, что спит, откинула голову на спинку и прикрыла веки. На сердце было так беспокойно, будто она совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Всерьез задумалась, не попросить ли у водителя валидол или нитроглицерин из дорожной аптечки, но решила, что от подобных чувств лекарства еще не изобрели. Но это не страшно – пройдет время и все забудется. Главное – ни о чем не жалеть. Она всё сделала правильно.

Глава вторая

Ехать домой чертовски не хотелось. Владимир снизил скорость до сорока километров и медленно, как по забитому машинами городу, тащился по мокрому от росы асфальту, тускло отсвечивающему в свете полной луны. Долг велел отправляться домой, сердце неистово просилось на волю. Это давнее раздвоение, ранее лишь по касательной затрагивавшее душу, сегодня стало невыносимым.

Они со Светланой всегда были несовместимы. Никаких точек соприкосновения, даже общих тем для разговора не было. А может, и были, но он давно уже перестал говорить с женой, как с нормальным человеком, боясь вызвать неосторожным словом очередной взрыв истерического негодования. Так, общие, ни к чему не обязывающие междометия, заменявшие необходимое между близкими людьми общение.

Он давно уже проклял свою несдержанность, приведшую к рождению дочери. Но, считая, что из-за его пагубной ошибки не должен страдать невинный ребенок, каждый вечер упрямо возвращался в собственный дом, давно ставший для него холодным и чужим. Чувство долга – страшная сила! Ему всегда было лучше одному, чем в так называемой семье. Жене, похоже, тоже. Бесконечные упреки, лившиеся нескончаемым потоком на его бедную голову, говорили об одном – она его терпеть не может.

Их супружеская жизнь закончилась давным-давно, когда она презрительно заявила ему после стандартной серенькой близости:

– Ты меня удовлетворишь не можешь! – не думая о том, что это откровенно говорит о том, что у нее есть с кем его сравнивать.

Любой другой мужчина воспринял бы эти слова как признание в многочисленных изменах, но Владимир понимал, что это не более чем еще одна истерическая попытка его унижить. Но охладел к ней полностью. До этих глупых фраз он еще воспринимал Светлану как женщину, пусть и не очень желанную, и пользовался преимуществами женатого мужчины, чтобы сбрасывать напряжение, периодически охватывающее его, как нормального здорового мужика.

Но после ее унижительного утверждения ушел жить в другую комнату, не пытаясь больше искать взаимопонимания. Был вежлив, доброжелателен, и не более того. По утрам здоровался, как с соседкой по коммунальной квартире. В общем, относился к ней так же, как к любой просто знакомой женщине. Ее это беспредельно бесило, и ссоры приняли хронический характер. Семейная жизнь превратилась в затяжной кошмар.

Уступив желанию, остановил машину, выключил фары и стал безразлично пялиться в черную пустоту. В воцарившемся вокруг полумраке снова, который раз за этот день, зримо проявилась стройная фигурка с пронзительными синими насмешливыми глазами и бронзовыми волосами. Казалось, протяни руку и почувствуешь гладкость кожи и тепло зовущего тела. Он даже почуял запах ее ненавязчивых духов. Горько выдохнул, пробуя на вкус имя: Татьяна... На губах остался вкус засахарившегося меда. Да что это с ним приключилось? Как чары колдовские кто на него навел!

Надо же было дожить до тридцати пяти лет, чтобы внезапно, после одной-единственной встречи, понять, что может чувствовать мужчина к женщине? Владимир иронично хмыкнул, не решаясь признаться себе, что эта встреча перевернула всю его жизнь. Не внешне, но внутренне. Он всегда с изрядной долей скептицизма слушал о безумствах, которые совершают нормальные с виду мужики из-за любимых женщин. И вот теперь сам вполне мог проделать что-либо подобное. Если бы Татьяна не была столь добродетельна, и позвала бы его за собой, взглянув своими удивительными глазами, смог ли бы он удержаться, вспомнив о семье? Однозначно нет.

С силой потер лоб, пытаюсь простым физическим действием рассеять захватившие душу видения. Что это? Любовь с первого взгляда? Ну, допустим, только допустим! Что же тогда ему делать? Неизвестно...

Надолго ли это безумное, такое обременительное чувство? Может, это просто накопившееся напряжение выплеснулось таким эксцентричным способом? Ведь, какие бы отношения у него с женой не были, он ей не изменял.

Лес тревожно зашумел от резкого порыва ветра, накатившего на него, как огромная океанская волна. Мужчина вздрогнул и посмотрел вокруг, смутно ожидая обнадеживающего совета. Тишина. Ветер стих, или не желая отвечать, или не зная, что ответить. Даже луна со звездами скрылась за набежавшими темными облаками. Небо стало таким же черным и беспроектным, как окружающий лес. В голове смутно прозвучало: да и как вся его жизнь.

Еще утром, уходя на работу, он и предположить не мог, что сегодняшней, обыденно начавшийся день, перевернет всю его душу, что он так настойчиво потянется к незнакомой девушке, презрев любопытно-скабрёзные разговорчики за плечами. Что так навязчиво будет пытаться выведать хотя бы кроху информации о ней.

Он же всегда вел себя как ответственный руководитель, достойный семьянин. Игнорировал все откровенные намеки женщин обогреть и утешить. Среди них были и весьма сексапильные особы. Представил заманивающую белозубую улыбку Екатерины, своего красивого агронома, намекающую на нечто гораздо интересное, чем совместное обсуждение плана посевов, и печально усмехнулся. Что нам дано, то не влечет.

Попытался припомнить, к кому еще его так тянуло, и не смог. Скорее всего, никто в нем таких сильных эмоций не пробуждал. Даже в далекой юности, когда любая женщина казалась недоступной красавицей.

Взглянул на часы. Второй час ночи. Можно надеяться, что Светлана спит, хоть ругаться не будет. В чем она права, так это обвиняя его в недостатке любви и внимания. Никогда не питал к ней ничего подобного. Хотя и не обещал ей ни того, ни другого. Единственное, что верен был, но исключительно для собственного спокойствия, нежели по зову души. Хотя, возможно, и напрасно. В браке всё должно быть взаимно, а Светлана столько раз весьма прозрачно намекала ему на свою популярность среди сильной половины человечества.

Рассеянно блуждающий взгляд упал на зеркало заднего вида, и в нем отразилась его сероватая уставшая физиономия, решительно ему не понравившаяся. Решив, что все равно ничего не высадит, кукуя здесь в одиночестве, завел мотор и мягко нажал на педаль газа. Колеса зашуршали по черному асфальту. Ехал медленно, не включая фар, прекрасно ориентируясь на дороге, ежедневно многократно проезжаемой.

Свернул с магистрали на грунтовку, ведущую к дому, заехал в свой двор и остановился. Вышел из машины, стараясь не хлопнуть дверцей, чтобы не разбудить жену, постоянно жаловавшуюся на бессонницу.

На крыльце снова помялся, не в состоянии преодолеть упорное нежелание идти дальше. Ну, что за черт! Это же его собственный дом, сложенный вот этими руками. Владимир с раздражением посмотрел на свои сильные мозолистые ладони и сжал их в кулаки.

Присел на скамеечке у входа, тяня время. Вокруг шумел запущенный плодовый сад, посаженный еще прежним владельцем. Владимир припомнил, как его, выпускника сельхозакадемии, поселили к одинокому старику, хозяину старого разваливающегося домика на окраине, как старик через год умер, и тогдашний председатель отдал бесхозный домик с участком ему.

Владимир дом ремонтировать не стал, смысла не было, просто раскатал его на дрова, а на его месте выстроил первый в этих местах коттедж с ванной, сауной, большими комнатами. Надеялся, что у него будет большая дружная семья. Да уж, как обманчива жизнь.

Прохладный воздух зябко забрался под легкую куртку, напомнив, что на улице далеко не лето. Скинув обувь и куртку, бесшумно пробрался на кухню. Страшно хотелось есть.

Для порядка кинул взгляд на пустую плиту и открыл холодильник. Вытащил из дальнего угла холодильника завалившийся кусок закорюзлого, согнувшегося от старости сыра. Компанию ему составила колбаса симпатичного зеленоватого цвета, когда-то считавшаяся копченой.

Выбросил колбасу с сыром в помойное ведро, бесшумным охотничьим шагом выбрался через черный ход в теплицу, нашел пару крепких огурчиков и большой помидор. Быстро настрогал овощи, полил душистым постным маслом, посыпал сверху крупной солью и, отрезав от буханки черствого черного хлеба почти половину, стал усердно жевать, благодаря судьбу за одно то, что в доме оказался хлеб. Надо было заскочить днем в магазин, но, если честно, он совсем забыл о еде после встречи с Татьяной. Не до того стало.

Перекусив и ощутив в животе блаженную тяжесть, прошел в кабинет, в котором обитал последние два года, скинул одежду и упал на диван.

Утром по стародавней привычке проснулся ровно в шесть, заполошно вынырнув из чувственного сна и не сразу сообразив, где он и с кем. Зажег подсветку будильника, убедился, что не проспал, хотя накануне звонок не включил. Он обладал счастливой особенностью, которой завидовали все управленцы – во сколько бы ни лег и как бы сильно ни устал, вставал тогда, когда было надо.

Взгляд уперся в незанавешенное окно с черным низким небом. Еще стояла ночная мутная тьма, тяготя и без того беспокойную душу. Осень, одним словом. Рывком встал, выдираясь из ласковых объятий одинокой постели. Чтобы снять владеющее телом возбуждение, облился ледяной водой, отчего кожа загорелась огнем. В голове несколько прояснилось. Не вытираясь, пошел на кухню, натянув только трикотажные боксеры. Капли воды высохали на разгоряченном теле сами.

Он увидел в зеркальных дверцах посудной горки свои растревоженные глаза и поморщился, досадуя на себя. Подумаешь, приснился горячечный сон с участием вчерашней незнакомки! Ему и раньше, бывало, снилось нечто подобное! Это же не редкость, особенно если живешь монахом.

Но тут же честно признал, что прежние сны никогда не бывали столь потрясающе осязаемы. А теперь... Вспомнив откровенное ночное видение, опустил глаза вниз и обречено чертыхнулся, увидев наглядное подтверждение тянущей боли в паху. Никогда с ним такого не бывало. Тело вышло из-под контроля. Неужели опять лезть под холодный душ?

Повторил вчерашний ужин, окрестив его завтраком. Пережевывая черствый, едва съедобный хлеб, напомнил себе, что надо обязательно заскочить в магазин и купить продуктов, иначе вечером останется без ужина.

Поев, провел рукой по подбородку. Щетина, вылезшая за два дня, уколола пальцы. Он посмотрел на себя в зеркало. Бриться не хотелось. Еще раз оценивающе взглянув на себя в фас и профиль, решил, что сойдет и так. В кино постоянно показывают небритых мужиков, и женщинам нравится. Как говорила Катерина, с намеком поглядывая на него, это сексуально. Вот он и будет выглядеть сегодня на радость ей очень сексуально, тем более, что на людях он показываться не будет, все вопросы решены на вчерашнем совещании. А по полям можно мотаться и при щетине.

Тихонько, чтобы не разбудить семью, прошел в прихожую, и только тут заметил, что нет ни осенней курточки дочери, ни кожаного плаща жены. Лицо перекосила понимающе-язвительная гримаса. Большими шагами прошел в комнату дочери, уже не блюдя тишину.

Комната была пуста, только разбросанные по столу вещи и оставленная на диване любимая кукла Барби говорили о том, что дочь собиралась второпях. Опять Светлане пришла блажь отправиться к мамочке. Но на всякий случай проверил спальню жены. Там тоже царил хаос. Ну что же, если Светлана и на этот раз рассчитывает, что он кинется за ней и будет просить ее вернуться, то она сильно просчиталась!

Он почувствовал странное бурление крови, как будто внутри взрывались маленькие воздушные шарики. Появилось невероятное чувство освобождения. На этот раз он ее обратно не повезет! Баста!

Часы в гостиной звонко отбили половину седьмого. Он подошел к телефону, но остановился, так и не подняв трубку. Звонить тестю еще рано. По субботам родственники встают довольно поздно. Позвонит в десять и поставит Сергея Ивановича в известность, что разводится, а оставшиеся вещи жены привезет завтра же. Хватит над ним издеваться!

Вспомня последний скандал, устроенный женой в поселковом магазине, с досадой стиснул зубы. Сколько односельчан присутствовало при нем, поглядывая на него с откровенным осуждением! Потакая себе, вытащил из кладовки сумки и стал с ожесточением кидать в них вещи Светланы. Трусы, колготки, платья и постельное белье, всё вперемешку. Он ей не горничная, сама разберет!

Прошел в комнату дочери и нерешительно остановился. Сколько лет он терпел эту паскудную жизнь ради того, чтобы рядом звенел ее милый голосок. Но чем старше становилась Любашка, тем больше выказывала нелюбовь к отцу. Вырывалась, как зверек, если он пытался ее обнять, не отвечала на вопросы, когда он расспрашивал ее о жизни. Дулась так же, как мать, неизвестно на что.

Встряхнувшись, решительно сложил кукол и вещи дочери в большой чемодан. За лихорадочной суетой не заметил, как рассвело. Бросив свое занятие, воспринимаемое им как давно вынашиваемое возмездие, завел машину и погнал на дальнее поле.

В одиннадцать часов приехал в главную контору их ООО. Его кабинет был последним в длинной череде дверей с надписями: главный инженер, главный энергетик, главный агроном, главный бухгалтер. Проскочив все эти двери, сумрачно подумал: что-то главных развелось выше головы. Зайдя в дверь с надписью: приемная, пробежал мимо пустого стола секретарши, обычно не работавшей по выходным, рванул дверь с золотой табличкой «управляющий». Не раздеваясь, набрал номер телефона родителей жены и замер, выпрямившись и приготовившись к серьезному разговору.

Трубку взял тесть и виновато сказал, чувствуя себя не в своей тарелке:

– Да, они здесь. Но ты не расстраивайся, в первый раз, что ли.

Владимир жестко, будто делая разнос провинившемуся подчиненному, выговорил:

– Не в первый, это точно! Но в последний! Завтра привезу ее вещи, половину уже подготовил. На развод подам по месту жительства бывшей жены, чтобы ей в Охлопково больше не приезжать, не мучиться.

Тесть опешил и схватился за сердце. Такого он от обычно сдержанного и покладистого зятя не ожидал.

– Ну, ты горячку не пори! Ребенок ведь у вас! Одумается она! Приедешь через недельку, и всё образуется. Я с ней сам поговорю!

Владимир категорично опроверг его успокаивающие слова:

– Мне абсолютно всё равно, одумается она или нет. Главное, что мое терпение лопнуло. Баста! И приезжать за ней я не буду, хватит заводного болванчика из меня делать, туда-сюда за ней мотаться.

Сергей Иванович поежился. Он впервые ощутил на себе, что зять на самом деле большой начальник – голос звучал решительно и категорично. Возражать было бесполезно, это он понял сразу. Он давно догадывался, что, если у Владимира лопнет терпение, никакие уговоры не помогут. Так и случилось.

– Надеюсь, в суде тянуть с разводом не станут. Светлана всегда говорила, что хочет жить в родном городе, так что против развода возражать не станет. Чтобы не скучала, куплю ей с дочерью хорошую двухкомнатную квартиру где-нибудь недалеко от вас. Всё. До свидания!

Тесть тупо смотрел на замолчавшую трубку, расстроено пошмыгивая носом и поминая глупую дочь бесполезными злыми словами. Вот ведь дурында! Попался в руки такой мужик, так цени свою удачу, береги его! Домовитый, порядочный, не пьет, ни курит, живи да радуйся! Нет ведь! Все каких-то райских птиц по заграницам себе выискивает! Миллионеров негритянских!

Валентина Николаевна услышала негромкий разговор и вышла к уныло сидящему на кухне мужу. Тот в сердцах пересказал ей только что происшедший разговор. Она плотнее закуталась в длинный велюровый халат и села рядом, стараясь всё обдумать. Вспомнив прежнее поведение зятя, недоверчиво запротестовала, не поверив, что Владимир всерьез завел разговор о разводе. Так, поугагать хотел.

Донельзя взвинченный и расстроенный Сергей Иванович рывкнул, не понижая голоса:

– Не пугает он никого. Капризы нашей дуры его всерьез достали. И слушать он ничего не будет. Отрежет – и всё!

Жена испугалась, но всё равно пыталась найти достойный выход из неприятной ситуации.

– Ну, разве можно так сразу, сплеча, рубить? Ведь можно поговорить по-хорошему.

Муж разозлено пристукнул кулаком по столу.

– По какому по-хорошему? Сколько он еще терпеть это издевательство должен? Сколько живут, она по несколько раз в год от него уходит, в перерывах между санаториями. Если бы не его ангельское терпение, давно бы развелись. Да если бы у меня такая жена была, я бы за ней ни за какие коврижки не поехал. Не хочешь жить нормально – скатертью дорожка! И неизвестно еще, как бы эта коровушка без такого мужа жила!

Приплывшая на крики отца Светлана, вальяжно кутаясь в длинный шелковый пеньюар, яростно вскинулась.

– Прекрасно бы жила! В городе, не в глухомани! И с порядочным человеком!

Отец иронично уточнил, с силой сжав кулаки:

– В твоём понимании порядочный значит богатый? Так ведь и Владимир не беден. Вот сколько стоит этот твой нарядец? Тысяч десять? Так ведь это, извини, половина моей зарплаты, а я по меркам простых-то людей неплохо получаю. К тому же он пообещал тебе с Любой купить неподалеку двухкомнатную квартиру. А это в нашем городе немаленькие деньги. У нас с матерью, например, таких денег нет.

Дочь пренебрежительно передернула плечиками.

– Не надо всех по себе равнять! Другие не жалкие двухкомнатные квартиры покупают, а шикарные коттеджи!

Отец всерьез разозлился:

– А тебе и квартиру покупать не надо! Приехала к нему на всё готовенькое, за десять лет палец о палец не стукнула, чтобы хоть рублишко заработать. Форс один! Шуба не шуба, платье – не платье! Вот мать-то за всю свою жизнь, работая, всего-то вторую шубу смогла купить! А трудовой стаж у нее тридцать лет!

В ответ дочь зафыркала.

– Надо знать, где работать! Можно и дворником сто лет пропахать и даже жалкий автомобиль не купить! А мне надо подать в суд на раздел имущества. По закону имущество супругов делится пополам! Так что я тоже не из бедных!

Отец в раздражении стал мерять кухню тяжелыми шагами.

Внучка, с интересом слушавшая разговоры взрослых, вдруг заявила:

– А мне надо дом с Барби, как у Ксюши! И велосипед с сигналом, как у Оли! У них есть, а у меня нет! Я тоже хочу!

Дед остановился и тяжелым взглядом посмотрел на женщин.

– Неужели это я таких шмотниц воспитал? Хочу, хочу, а зарабатывать на то, что хочу, дядя будет? Кто вас содержать должен? Сначала отец с матерью, потом муж? Да, избаловали мы тебя, Светлана! Но не думай, что я и дальше на тебя горбатиться буду! Хватит, выросла уже!

К удивлению дочери, мать промолчала, ничего не возразив, лишь стянула на шее ворот халата и смущенно опустила голову, чувствуя и свою вину в высказанных мужем обвинениях.

Повернувшись к внучке, небрежно пинавшую тапком обивку дорогого дивана, дед резко скомандовал:

– А ну, Любовь, иди-ка в свою комнату, нечего взрослые разговоры слушать!

Девочка растеряно посмотрела на мать, не зная, как поступить. И настоять на своем хотелось, и боязно было. Так дед с ней еще никогда не говорил. Светлана, и сама не ожидавшая от отца непривычного осуждающего тона, лишь утвердительно кивнула головой. Люба нарочито медленно, шаркая тапками по ковровому покрытию, утащила в свою комнату.

Сергей Иванович прошел за ней и плотно притворил дверь.

Вернувшись на кухню, встал перед дочерью и ехидно поинтересовался:

– Попролам имущество делить будешь, говоришь? И чье имущество? Его? Попролам оно делится в том случае, если вклад был равный. А ты, голуба, только проматывала то, что зарабатывал муженек. Так что твоего там ничего нет. Любой судья, узнав о твоём образе жизни, отправит тебя восвояси. И получает Владимир дивиденды от своих акций, которые, к твоему сведению, попролам не делятся, неважно, законная ты жена или нет. Спроси мать, она у нас юрист все-таки, присудит ли суд тебе не половину, а хотя бы часть имущества?

Дочь вопросительно посмотрела на мать и потеряла болезненно запульсировавшие виски, предчувствуя крушение амбициозных замыслов. Та нехотя признала:

– Ну, тебе вряд ли что-то можно высудить. Только Любе. Но Владимир пообещал тебе с дочерью квартиру. Это, мне кажется, оптимальный вариант. Не стоит с ним ссориться. Думаю, если ты подашь на раздел имущества, только настроишь его против себя еще больше. – И горестно признала: – Похоже, что ты действительно доигралась. – Она с осуждением посмотрела на хорохорившуюся Светлану, еще не осознавшую произошедшую в ее жизни кардинальную перемену. – Боюсь, ты еще об этом ох как горько пожалеешь!

Через месяц, стоя в приемной суда, Владимир с непривычно щемящим чувством держал в руке тонкий листок с постановлением мирового судьи о расторжении брака. Фальшивого брака было не жаль, а вот десяти лет серой жизни – жалко.

В этот же день заехал на квартиру к бывшим родственникам. Светлана с отцом его уже ждали. Непривычно тихая теперь уже бывшая жена повела его к нотариусу. Оформление покупки двухкомнатной квартиры в одном доме с родителями заняло всего пятнадцать минут.

Не вдаваясь в разговоры, поехал обратно. Нажимая на педаль газа, с трудом сдерживался, чтобы не разогнаться за сто километров, хотя асфальт был скользким от первой изморози. Хотелось взлететь от ликующего чувства – свободен и может делать всё, что сочтет нужным! А необходимо только одно – отыскать запавшую в душу владелицу насмешливых синих глаз.

Она неотступно снилась ему всё последнее время. Так сладко было ее обнимать, прижимая к груди. Но стоило наклониться к ее губам, как она растворялась в окружающей темноте, и он просыпался, распаленный и неудовлетворенный, в отчаянной жажде ее тепла.

Но как ее найти? От нее осталось только имя. Он произнес нараспев, прищурившись, как кот: Татьяна. В который раз с досадой подумал, – ну почему, почему не посмотрел на номер машины? Так залюбовался ее чистым профилем, что не смог оторваться. Даже в голову не пришло опустить глаза ниже и запомнить номер.

Посомневавшись, как бы ненароком спросил у Кузьмича, помогавшему ее водителю грузить картошку, не запомнил ли тот случайно номер УАЗика. Ушлый дядька сразу всё просек и сочувственно ответил, поблескивая хитренькими глазками:

– Нет, не обратил внимания. Кто ж знал, что понадобится?

А вечером за ужином рассказал жене, что управляющий разыскивает женщину, проезжавшую мимо в сентябре.

– Мне еще тогда странным показалось, что он к ней почти вплотную подошел. Я уж грешным делом думал, что обнимет. Да еще имя с фамилией выпытывал, кто такая, и где живет. Мне, конечно, не всё было слышно, далековато стояли, но и из того, что услышал, ясно было, что он к ней клинья бил. Улещал, одним словом.

Клавдия не поверила, скептически посмотрев на мужа и наморщив загорелый за лето до коричневого цвета лоб. В отличие от сублильного мужа она была женщиной мощной, в теле. Как говорится, кровь с молоком. Но жили они дружно, поднимая четверых ребятишек. Изредка, правда, попивали, опять-таки вместе, как водится в дружных русских семьях.

Поставила перед мужем тарелку густых наваристых щей, подала гнутую алюминиевую ложку и села напротив, откровенно высказывая свое сомнение:

– Да ты и не понял, небось, что расслышал! Они, может, о деле каком говорили! Управляющий ведь строгий мужчина, ему не до твоих глупых шашней.

Кузьмич фамильярно ущипнул жену за мягкое место. Та подскочила и свирепо погрозила ему кулаком. Хотя она и не была против подобной формы ухаживания, но порядок есть порядок.

Он высокомерно посмотрел на недалекую женщину.

– Да уж, будто я и не мужик, и что с бабами делать, не знаю. Ни разу бабу не уламывал! О деле они говорили, как же! У него аж глаза горели, когда он на нее смотрел! Да я уверен, что он и с женой-то развелся из-за нее, хотя и давно надо было это сделать!

Клавдия небрежно взмахнула рукой, отмахиваясь от его глуповатых выводов. Кузьмича даже перекосило от неверия жены в его дедуктивные возможности. Он упрямо добавил, пристукнув кулаком по столу, правда, слегка, чтобы ненароком не разозлить жену:

– Если бы он ей честно о семье не сказал, дело бы точно в постельке кончилось. Я что, мужика в гоне не различу, что ли? Да я и сам такой, когда после месяца в поле к тебе приезжаю...

Поправив гнутую ложку, пробурчал, что надо нормальные ложки купить, надоело этим старьем суп хлебать, и принялся за еду, считая жену бестолковой курицей.

Клавдия пожала мощными плечами и замолчала, прикидывая, что в рассказе мужа правда, а что домыслы. На следующий день, не считая нужным хранить чужие тайны, поделилась наблюдениями мужа с парой-другой встретившихся по дороге на работу подружек, и еще через день всё Охлопково было в курсе безответной любви своего управляющего.

Глава третья

Застенчиво уставившись в пол, Татьяна обескураженно слушала откровенные рекомендации своего гинеколога:

– Ты, милочка, – Евдокия Михайловна называла всех своих пациенток на «ты», независимо от возраста, что получалось у нее совершенно по-домашнему, – засыхаешь на корню. Как не политый цветочек! Рожать тебе надо, тридцать уже стукнуло! Давай-ка решайся! А то детей и вовсе не будет! Уж извини, но с женским здоровьем у тебя проблемы! Ну, замуж не хочешь, так кто тебе наврал, что дети только у мужей получаются? И другие умельцы на свете есть!

Смущенная Татьяна нервно ерзала на стуле, стыдясь поднять глаза. Врач, не обращая внимания на замешательство пациентки, настойчиво продолжала:

– Присмотри себе хорошего мужика, да и роди от него. Можешь и не говорить ему, для чего он нужен, а то сбежит еще. Мужик нынче хлипкий пошел, пугливый. Ты главное, узнай, нет ли каких наследственных заболеваний, а то часто так бывает – с виду молодец кровь с молоком, а кровь дурная. Тут надо осторожной быть. Ежели для удовольствия – это одно, а для ребенка нужно с оглядкой действовать.

Несколько недель Татьяна размышляла над этим советом, но так и не смогла решить, нужен ей подобный умелец или нет.

Брак отпадает сразу. Хватит с нее и одного раза. За ее недолгое замужество Анатолий принес ей столько боли и горя, что она даже само это имя больше слышать не может. А ведь как всё красиво начиналось – белое платье, прозрачная фата, пышная свадьба, шепот за спиной: какая красивая пара!

Кто виноват в том, что получилось не так, как мечталось? Может, всё было бы по-другому, если бы она заводила небольшие романчики, чтобы муж не за чужими юбками бегал, а собственную жену караулил? Она досадливо покрутила головой, отвергая такую возможность. Подобные интрижки не для нее. Она такая, какая есть – доверчивая и открытая. Вернее, была такой. Теперь, после стольких лет разочарования и тоски, доверчивость уступила место подозрительности, а открытость – суровой замкнутости.

И не скажешь, чтобы замужество было скоропалительным или непродуманным. Нет, Толик целенаправленно ухаживал за ней несколько лет, с тех пор, как она поступила в областной институт культуры и искусства. Ей необычайно повезло тогда, – в тот год мастерскую набирал известный художник Юрий Георгиевич Звонников, человек не только знаменитый, но и интересный, импозантный, умный и очень талантливый. И она, заурядная выпускница обычной художественной школы, стала его ученицей! Это было настоящее счастье. За пять лет учебы она стала по-настоящему уважать своего преподавателя за порядочность и поразительную эрудицию.

Толик был двумя курсами старше. Веселый, красивый парень, несколько небрежный в обращении и с друзьями, и с женщинами. Как только увидел ее среди первокурсников, такую свежую, нежную, яркую, тут же вцепился клещами, отогнал всех конкурентов и не отпускал все годы учебы. Поджидал после занятий, бывая, даже сбегая с лекций, чтобы, не дай Бог, у него не объявились соперники. Когда она закончила курс, они поженились, и это оказалось самой большой ошибкой за всю ее жизнь.

В то время Толик работал художником-оформителем в экспериментальной мастерской и подрабатывал компьютерной графикой на одном из местных телеканалов. Оформлял заставки программ, выдумывал для украшения различных шоу компьютерные эффекты, и, естественно познакомился с неординарными людьми из телевизионщиков.

Вообразив себя самой яркой звездой на сияющем телевизионном небосклоне, домой стал приходиться поздно, объясняя это или ночными съемками, или обсуждениями новой про-

граммы, или вообще откровенной ерундой. Появились деньги: ему платили за проталкивание в программы нужных людей и скрытую рекламу кафе, ресторанов или игровых клубов.

Татьяна не одобряла его поведение, ведь это было непорядочно, но он смеялся над ее глуповатыми страхами и упрекал, что она задержалась в прошлом веке – ведь сейчас так поступают все, если хотят жить достойно. Она начала подозревать, что в понятие «достойно» они вкладывают разный смысл.

В последний год супружества Толик стал без меры ревновать жену, очевидно, подозревая ее в том, чем занимался сам. Изобретал совершенно дурацкие поводы, чтобы поругаться. Татьяна не понимала, что произошло, и пыталась успокоить его, уверяя в своей любви и верности. Она искренне любила этого молодого, полного сил и энергии красавца. Доверяла, не чувствуя, что семейная жизнь уже закончилась. Но однажды ночью он притащился домой вдрызг пьяным и закатил скандал.

– Ты, шлюха! – орал, не стесняясь соседей за тонкими стенами и махал у нее перед глазами крепкими кулаками, плохо держась на подгибающихся ногах. – Я выведу тебя на чистую воду, ты мне скажешь, с кем спишь, почему меня обманываешь!

Татьяна не знала, что ответить, как разубедить пьяного дурака. Но тут заметила у него на шее кричащее пятно ярко-малиновой помады, оставленное любовницей с явным намерением оповестить глупую жену о наличии соперницы. С глаз точно упала пелена. На душе стало пусто и холодно, как ночью в пустыне. Она растерянно смотрела на него, чувствуя себя преданной и несчастной, а Толик продолжал пьяно бушевать.

– Ты, подлая! – он добавил очередное непечатное слово, – убирайся из моего дома, и чтобы я тебя здесь больше не видел! – тут по батарее раздраженно застучали недовольные шумом соседи, и он был вынужден заткнуться, обещая, что утром собственными руками вышвырнет ее из своего дома.

Она не стала дожидаться исполнения угрозы. Едва рассвело, собрала свои вещи и уехала в общежитие института, где жила все годы учебы, и попросила место в комнате, чтобы было где перебиться, пока она приищет комнатку по средствам.

Комендантша Зина, с которой она подружилась за пять лет учебы, увидев ее бледное измученное лицо, предложила:

– Давай я тебя по полставки уборщицей устрой, тогда и комнату дать смогу. Если ты не против, конечно.

– Какое там против!

Обрадовавшись, Татьяна порывисто обняла подругу, немало ту умилившись и удивившись: в обычное время та не демонстрировала своих чувств, всегда держалась ровно и приветливо, без всплесков эмоциональности.

Зина привела ее в маленькую, метров двенадцати комнатку, обставленную старой, но еще добротной мебелью. Татьяна поняла, что жизнь сделала крутой вираж и обратно дороги нет. Она больше не замужняя дама, а брошенная жена, и скоро станет неприкаянной разведенкой, коих полно бродит по белу свету. Но что поделаешь – она не хотела, так уж получилось.

Зина, по выразительному лицу подруги поняв, что ту грызут сожаления, колко заметила, пытаясь вырвать ее из пучины переживаний:

– Бросай ты самоедством заниматься. Ежели да кабы... Этот твой Толян всегда был смазливый селадон. И нечего о нем жалеть, не стоит он того. Мне недавно одна студентка говорила, что, когда он за тобой ухаживал, у него на подхвате еще несколько цыпочек было, с которыми он не разговоры разговаривал. Ты у него для души была, а они – для тела. Я таких мужиков не терплю, козлы они двуличные. Жаль, что я до твоей свадьбы этого не узнала, а то всё бы ему высказала, и тебя бы отговорила!

Татьяна опустила в кресло и обессилено проговорила:

– А мне первые четыре года казалось, что у нас всё хорошо. Единственное, что меня смущало – то, что он не хочет детей. Но сейчас многие мужчины такие.

Зина скорбно вздохнула.

– Знаешь, и мне в ту пору казалось, что он остепенился. Но, видимо, свинья грязи всегда найдет. Так и получилось в конце концов. Ну да ладно, будем считать, что ты легко отделалась. Свободная, бездетная, красивая, талантливая. Скоро встретишь нормального парня, замуж выйдешь, детей нарожаешь, и всё будет о'кей. Устраивайся, да поспи немного, а то такие тени под глазами, сразу видно, что всю ночь глаз не сомкнула, и не из-за постельных радостей. Пока!

Так началась ее новая жизнь. По сути, Татьяна осталась ни с чем, и всё пришлось начинать сначала. Квартира, в которой они с мужем прожили вместе пять лет, принадлежала бабушке Анатолия. Мебель и бытовую технику, купленную во время совместной жизни, она оставила, не желая скандалить из-за шмоток.

Подала на развод сразу же, впервые радуясь, что детей у них нет. Через месяц в ЗАГСе произошла мерзкая сцена. Едва увидев жену, Анатолий протяжно застонал и артистично упал перед ней на колени, вцепившись в подол ее платья как пиявка.

– Прости меня, дорогая! Ты же знаешь, как я тебя люблю! Тебя одну! Я не могу без тебя жить! Я ошибся, признаю, но нельзя же так жестоко за это карать!

В его криках была такая фальшивая театральность, что даже посторонние женщины в кабинете смотрели на него с брезгливой усмешкой. Но когда он поднял к Татьяне умоляющее лицо, та увидела многодневную щетину, ввалившиеся щеки, темные тени под глазами и убедилась, что он действительно страдает.

В душе что-то встрепенулось, похожее на останки умирающей любви. Она заколебалась, ей стало его жаль. Почувствовав ее нерешительность, он удвоил усилия, умоляя ее вернуться, заклиная всей своей горячей любовью, обещая верность, преданность и все прочие блага мира.

Тут решительно вмешалась сотрудница ЗАГСа, импозантная крупная женщина в изумрудном платье с золотым кулоном на шее. Окинув любовную сцену пренебрежительным взглядом, по-солдатски гаркнула:

– А ну, встать! Это тебе не сцена в деревенском клубе, а государственное учреждение! Раньше надо было думать, что творил, а теперь уже поздно! – и мягко обратилась к неподвижно стоявшей, как загипнотизированной, девушке: – А вы, милочка, этим неврастеническим причитаниям не верьте! Этот позер всю жизнь таким будет – сначала напакостит, потом покается. Простите один раз, потом будете прощать много и часто. Такие не меняются. Вечнозеленый фрукт! Таким и сгниет, не созревши.

Татьяна опомнилась, как будто очнувшись от завладевшего душой дурмана. Решительно отвернувшись от тянувшего к ней руки Анатолия, поставила подпись на документе. Служащая скептически посмотрела на всё еще стоявшего на коленях парня, и довольно мирно, но с тайной угрозой в голосе, предложила:

– Давайте, присоединяйтесь! Думаю, вы еще не раз у нас побываете, то регистрируя очередной брак, то разводясь. Опыт у вас уже есть, так что вперед по проторенной дороге!

Анатолий поднялся, с уничижительным укором посмотрел на женщин и размашисто черкнул в протянутой ему бумаге. Гордо повернулся и, не глядя больше на Татьяну, вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Дама ободряюще похлопала опечаленную девушку по хрупкому плечу.

– Ох, хотелось бы мне вам сказать, что легко от него отделались, но боюсь, это будет преждевременно. Он вам еще кровушку-то попьет, жизнь попортит.

Ах, как она оказалась права! Татьяна много раз потом спрашивала себя, как же она прожила столько лет с человеком, совершенно его не зная, считая пусть немного безалаберным, но хорошим человеком, не способным на гнусности. Как она в нем ошибалась!

Чтобы выглядеть в глазах людей несчастным обманутым мужем, Толик наплел столько небылиц о ней и ее мнимых любовниках всем их общим знакомым, что она устала оправдываться. Подруги пытались говорить людям правду, но им не особо верили. Забавно, но обыватель всегда охотнее верит в плохое, чем в хорошее. Татьяна со снисходительной усмешкой успокаивала возмущенных наглой ложью подружек:

– Зачем нервы себе зря треплете? Пусть каждый думает то, что ему ближе. Жаль только очередную доверчивую дурачку, которая ему поверит. Ох, как она об этом пожалеет! С ней наверняка повторится моя история, ведь горбатого могила исправит.

Через полгода Толик и впрямь сочетался законным браком с милой наивной девушкой, искренне верившей, что первая жена ее избранника была на редкость непорядочной стервой. Пыталась нежностью и лаской излечить милого от полученных им в первом браке моральных травм, но, непредусмотрительно забеременев в первые же месяцы супружеской жизни, вызвала жгучее негодование супруга, мечтавшего пожить «для себя».

Аборт делать отказалась, надеясь, что родившийся ребенок разбудит в муже дремлющие отцовские чувства. Влюбленным женщинам вообще свойственно наделять своих любезных такими качествами, которых в них отродясь не бывало.

Когда появился ребенок и жена не смогла столько времени, как раньше, уделять избалованному супругу, Толик подыскал себе очередную любовницу, чтобы добавить перчика в слишком пресную жизнь. Поскольку делать что-то незаметно не позволяла широта натуры, пошли разговоры.

В конце концов Толик, чувствуя безнаказанность, так обнаглел, что появился на дне рождения друга со своей пассией, где вел себя так откровенно, что даже его друзья высказали свое неодобрение. Жене, естественно, о его похождениях доброты доложили.

Надеясь, что это глупое недоразумение, она попыталась выяснить у мрачного с перепоею мужа, что он делал вчера. Разозлившись, тот заявил, что это не ее дело, что рождением ненужного ребенка она искалечила ему жизнь, и что она глупая надоевшая гусыня.

Девушка, выросшая в дружной любящей семье, где никто никогда ни на кого не орал, опешила и замерла, не в состоянии что-либо сказать. Приняв ее молчание за осознание вины, Анатолий распоясался окончательно и ударил жену, чтобы больше уважала.

Ее брат, приехавший навестить сестру, увидел синяк, выпытал, откуда он взялся, и тут же обо всем рассказал отцу. Они приехали к милому родственничку, отправили дочь с ребенком обратно в родительский дом, а зятю здорово намяли бока.

Через несколько дней Толик, посидев без салатиков и домашних отбивных, а также вытащив из шкафа последнюю пару чистых носков, опомнился и решил, что с женой жить гораздо комфортнее и лучше бы помириться. Скорчив мину кающегося грешника, пришел просить прощения, но возмущенный тесть его и на порог не пустил.

Тогда он стал подкарауливать жену на улице, клялся в любви и верности, умоляя вернуться. Она была молодой и доверчивой, но не глупой. Уже не веря в разговоры об изменах первой жены, решила встретиться с ней и узнать мнение противоположной стороны.

Нашла общих знакомых, созвонилась с ней и договорилась о встрече. Встретились в кафе за чашкой кофе. Татьяна не жаловалась, но на вопросы второй Толиковой жены ответила откровенно. Ни о чем предупреждать не стала, прекрасно понимая бесполезность пустых советов. Если есть голова на плечах, сделает правильные выводы сама, без подсказок.

И та сделала. Уяснив, что ее жизнь развивается по уже апробированному сценарию, повела себя неожиданным для Анатолия образом. Несмотря на молодость, оказалась достаточно зрелым и решительным человеком, чтобы не повторять чужих ошибок. К Толику не вернулась, и в его паспорте появился очередной штамп о расторжении брака.

Потом он был женат еще и еще, но его очередных жен Татьяна не знала. Имевшая много общих знакомых Зина периодически доносила подруге вести об изменении семейного статуса бывшего мужа, но Таню это не интересовало. Пусть живет, как хочет, ей-то что?

Как-то ранней весной шла мимо своей бывшей альма-матер, уткнувшись взглядом в черный, обнажившийся из-под снега асфальт, стараясь не смотреть на красивое старинное здание, с которым было связано столько надежд. Поскользнувшись на пяточке серого льда, чуть не сшибла высокого авантажного мужчину, идущего навстречу. Скороговоркой извинившись, продолжила путь, так и подняв глаз, но была остановлена сильной рукой. Мужчина схватил ее за локоть и насмешливо воскликнул:

– Танечка! Не нужно сбивать меня с ног! Пусть даже от восторга после долгой разлуки!

Она подняла голову, узнала своего институтского руководителя и засмушалась. От нее столько ждали, а она... Профессор с неудовольствием отметил ее болезненный вид, затравленный взгляд, и строго сказал:

– Таня, насколько я знаю, вы бросили писать. Это плохо, очень плохо. Господь дал нам талант не для того, чтобы мы зарывали его в землю. Вы помните эту притчу?

Татьяна уныло кивнула головой. Осведомленность Юрия Георгиевича не удивляла – он всегда всё знал о своих любимцах. Ей стало совсем нехорошо. Она знала, что он прочил ей большое будущее. Но вот не получилось.

Отведя ее в сторонку, чтобы не мешать прохожим, мэтр горячо продолжил:

– Таня, давайте-ка возвращайтесь в нормальную жизнь. Я знаю о вашем разводе, но сколько можно хандрить? Вы, кстати, в курсе, что муниципалитет выделил мне новую мастерскую в чудном старом особняке? Почти двести квадратов! Простор, свет, высоченные потолки! Там уже работают знакомые вам Миша с Сашей. Есть и другие мои выпускники. Приходите и вы. Насколько я помню, вы никогда не были мизантропом и вполне можете работать в дружеской компании. Мне хочется собрать под своим крылом всех своих учеников, подающих надежды.

Не раздумывая, она с благодарностью согласилась. Это было счастьем – прийти в огромный светлый зал, пропахший масляными красками, крепким кофе и табаком, слушать споры молодых художников и писать, писать.

Мастерская действительно была великолепной – в верхнем этаже старого особняка, с пятиметровыми потолками, насквозь пронизанная светом и той особой аурой, что бывает только в присутствии настоящих талантов. Татьяна начала истово, как в молодости, работать, отдавая любимому занятию каждую свободную минуту.

Когда снег полностью сошел и подсохли лесные тропы, Юрий Георгиевич стал вывозить свою дружную когорту на пленэр. Намазавшись репеллентами от клещей, беззаботной гурьбой выезжали на машине преподавателя, затем рассредоточивались по облюбованным уголкам, и писали. Кто что.

Татьяна любила простые русские мотивы – одинокую печальную березку на опушке леса с безнадежно опущенными ветвями или гордую сосну, прячущую за чопорной гордостью боль и разочарование.

Юрий Георгиевич никак не комментировал ее картины, пока она не написала маленькое прозрачное озерцо в окружении церемонных колючих елок. Он долго рассматривал уже готовую картину, потом вздохнул.

– Танечка, вы стали настоящим художником. Без всяких скидок на возраст. Может быть, я насыплю вам соли на еще не зажившие раны, если скажу, что развод пошел вам на пользу, как полноценной творческой личности? В вашем таланте появилась глубина и страстность, которой не было прежде. Да и мастерства прибавило. Хотя пока всё уж очень печально. Но это пройдет, попомните мои слова. А Толик что? Пустышка. Блестящая снаружи и гнилая внутри.

Но это вы и без меня знаете. То, чем он теперь занимается, и есть его предел. На большее ему рассчитывать нечего.

Как ни странно, но эти утешительные слова расстроили Татьяну. Почему раньше никто ей не говорил, что ее избранник – пустой человек? Если бы до свадьбы ее предупредил об этом тот же Юрий Георгиевич, которого она беспредельно уважала, она бы крепко подумала, прежде чем ставить свою подпись на брачном свидетельстве. Эх, если бы повернуть время вспять!

В один из чудных летних дней мэтр, пройдя на середину мастерской, гордо вскинул руку, требуя внимания, и торжественно провозгласил:

– Дети мои! Надеюсь, моя новость не станет для вас непосильным искушением. Первого октября я еду в турне по Европе с выставкой наших картин, которые после ее закрытия будут распроданы широкой публике. Так что готовьтесь, дети мои! Заканчивайте, что не закончено, доделывайте, что не доделано! Скоро вы начнете покорять мир! – И обыденно добавил: – В вашем распоряжении остался один месяц!

Татьяна внимательно просмотрела свои картины, выбрала более-менее законченные, всего вышло десять, писанных маслом, и несколько акварелей. На всех печальная русская природа. Прищуриив глаза и склонив голову набок, оценила впечатление. Н-да... Сплошное уныние.

Вернувшись в общежитие, переделалась в домашний безрукавый халатик с яркими белыми ромашками. Повертелась перед зеркалом и пришла к неутешительному выводу – что-то надо с собой делать. Мало того, что кислая вся, как перестоявший кефир, так еще и мышцы обвисли, стали вялыми и дряблыми. С детских лет занималась в разных спортивных кружках, в институте – аэробикой, а вот теперь обо всем забыла. Это всё последствия депрессии! Пора за волосы вытаскивать себя из затянувшей трясины.

Решив, что завтра же начнет посещать спортивный клуб, достала пастельные краски, приколола к мольберту лист ватмана и задумалась. Душа чего-то просила, но вот чего? Закрыла глаза и попыталась сосредоточиться.

Мысли начали принимать странную, почти осязаемую форму. В голове возник некий образ, еще не оформившийся, но очень желанный. Рука потянулась к ватману и сама собой начала набрасывать пастелью сначала неуверенные, а потом всё более четкие контуры симпатичного домика с верандой и мансардой, стоявшего в глубине запущенного старого сада. Это весна. Нежная зелень, голубое небо и прозрачный свет. Возрождение. Выход из долгой зимней спячки.

Целую неделю по вечерам не заходила в мастерскую к Юрию Георгиевичу, усердно трудясь над своим домиком. Основной сюжет оформился сразу, а вот над деталями пришлось потрудиться. В субботу, пристально рассмотрев свое творение и сделав пару заключительных штрихов, увидела, что получился удивительно привлекательный дом. Именно в таком ей хотелось прожить всю оставшуюся жизнь.

Показывать картину никому не стала. Купила дешевую пластмассовую рамочку контрастного с общим тоном темно-коричневого цвета, вставила в нее лист и повесила над маленьким журнальным столиком, стоявшим у окна. Иногда, в редкие свободные минуты, сидя за столиком с кружкой чая в руках, придумывала, что же должно быть внутри такого чудного жилища.

К октябрю приготовила все картины, кроме, естественно, «Дома в заброшенном саду», и принесла в мастерскую. В последний день сентября довольный усердием своей дружины профессор упаковал выставочные картины, устроил для друзей маленький прощальный вечер, и вместе с женой, Верой Ивановной, хорошо владеющей английским и французским, отбыл по маршруту Хельсинки-Стокгольм-Брюссель. Оставшаяся команда, набравшись терпения, осталась дожидаться известий.

Глава четвертая

В субботу в гости к Татьяне приехала младшая сестра. Анастасия с отличием закончила медакадемию, работала отоларингологом в центральной городской больнице их родного города, замуж вышла за хорошего парня, растила двоих детей, и по всем параметрам считала себя вполне состоявшимся человеком. На этом основании считала себя вправе учить жить непристроенную сестру. Вот и сейчас, едва успев снять пальто, оглядела скромную обстановку комнатки, и начала:

– Таня, ну почему ты оставила всё совместно нажитое имущество этому козлу? Ведь вы работали оба, покупали всё вместе! Хотя бы телевизор забрала! Новехонький «Самсунг»! – и с сожалением посмотрела на пустовавший журнальный столик, на котором бы так хорошо смотрелся указанный приборчик.

Никогда не любившая тупо пялиться в экран Татьяна резко вздохнула и постаралась ответить мирно:

– Настя, ты не о себе ли беспокоишься? Боишься, что тебе у меня без любимого теле-елевидения скучно станет? Прекрасно ведь знаешь, что я ТВ не люблю, так зачем мне телевизор? Я довольна уже тем, что ноги унесла. – И резко сменила тему, давая понять, что не хочет говорить о своем незадавшемся замужестве. – Как дети, родители?

Отмахнувшись от вопроса, гостя с любопытством уставившись на картину с домиком, для лучшего обзора перегнувшись через столик. На скрытое неодобрение сестры безмятежно заявила:

– Да знаю я, знаю, что близко картины не смотрят, что целостная она получается на расстоянии. Просто интересно. К тому же у тебя и вблизи всё понятно, не то что у других. Этот твой профессор говорил, что у тебя мазок какой-то мелкий, что ли.

Таня болезненно поморщилась, услышав столь невежественную характеристику своего стиля, но промолчала. Сестра, немного отодвинувшись, но по-прежнему не отрывая взгляда от картины, соизволила наконец ответить на заданный вопрос:

– С домочадцами всё в порядке! Дети дома, с Генкой, у него сегодня выходной. Родители на даче, решили попариться в баньке. – Сделала шаг назад, чтобы охватить весь пейзаж, и задумчиво протянула: – Какая чудная картинка! Ты не рисовала таких раньше. Такой милый домик, такой... – она с трудом подыскала подходящее слово, – домашний, располагающий, что ли... – порывисто повернулась к сестре, – не подаришь?

Татьяна вздохнула. Отказывать единственной сестре не хотелось. Но и отдать эту вещь она не могла. Она чувствовала, что это – только ее. Предложила компромиссный вариант:

– Давай я сделаю тебе копию?

Сестра вскинула брови – мол, понимаю, эту жалко, но покладисто кивнула головой, снова подошла почти вплотную к картине и завистливо вздохнула.

– Вот место, где женщине хочется жить! От нее прямо веет обещанием тихого счастья! – повернулась к сестре и без паузы спросила: – Ты сегодня ела?

Поскольку было субботнее утро и Татьяна встретила сестру в ситцевом халатике, соврать про обильный завтрак, съеденный в ближайшем кафе, не удалось. В комнате едой тоже не пахло. Она только молча развела руками.

Настя тут же бодро скомандовала:

– Одевайся! Пойдем в кафе! Должен же и у нас, замученных эмансипацией женщин, быть свой праздник! У мужиков – пивные разного пошиба, а мы сейчас оторвемся по полной программе в более приличном месте! С пирожным, мороженым, – она прогундосила это голосом двоечника из известного мультика, – позволим себе приличную дозу красного вина, конфет разных! И к черту всякие там диеты! Отложим борьбу за похудание!

Татьяна понятливо усмехнулась. Сестра постоянно боролась с лишним весом, которого у нее практически не было. Анастасия уверяла, что нет только потому, что она с ним активно борется. Татьяна отдавала должное упорству сестры. Та постоянно сражалась за идеальную фигуру – то сидела на раздельном питании, то испытывала на себе очередную враздохудательную диету. Периодически срывалась, позволяя питательные излишества, но потом добросовестно каялась, и всё начиналось сначала. Наверное, ей так было интереснее жить.

Пришлось подчиниться. Надела джинсы, теплый джемпер и осеннюю синюю куртку. Одежда, такая удобная и практичная, тут же подверглась осуждению энергичной сестры.

– Татьяна, что ты на себя напялила! У тебя же такая женственная фигурка, а ты ее прячешь, одеваясь, как пацан из подворотни. – Анастасия, наряженная в длинное кашемировое пальто и легкомысленную шляпку, не понимала, что хорошего можно найти в затрапезной старой куртке. – Ну, почему ты не одеваешься соответственно, ведь ты же художница! Ну во что-нибудь этакое, броское, экстравагантное! Ты же красивая женщина, черт побери! Просто в последнее время забыла об этом!

Хозяйка твердо подхватила гостью под руку и вывела на улицу, приговаривая по дороге:

– Вот именно, забыла, и вспоминать не хочу! А одеваюсь я так, как удобно мне, а не так, как хочется кому-то! – и со значением кинула на нее намекающий взгляд.

Сестра нераскаянно замолчала, на время оставив болезненную тему, и они смогли беспрепятственно дойти до кафе с забавным названием, намекающим на соответствующие изменения в их внешнем виде, если они начнут часто сюда наведываться: – «Милый толстячок».

Внимательно изучив меню, Таня взяла себе микроскопическую чашечку черного кофе с взбитыми сливками и пару маленьких венских пирожных, а Настя, на радость шустрой официантке, заказала себе почти весь ассортимент, в том числе по двести граммов хорошего красного вина. Чтобы не огорчать сестру, Татьяне пришлось выпить весь бокал. «Чтобы вывести из организма токсины и радионуклиды!» – как ответственно заявила Настя. Что ж, ей виднее, она врач!

Несмотря на довольно раннее время, в кафе было многолюдно. Столики занимали главным образом родители с детьми и молодежь из окружающих кафе общежитий. Таня быстро съела свою порцию и стала терпеливо ждать сестру, воодушевлено расправляющуюся с непомерным заказом. Вдруг Настя ближе подвинула стул к сестре и лукаво прошептала:

– Таня, посмотри налево. Только осторожно! Там сидит потрясный парень, и постоянно поглядывает на тебя, несмотря на то, что ты одета как работник соцзащиты при посещении подопечного бомжа.

Татьяна невольно обернулась, заинтригованная восторженными словами сестры. За угловым столиком сидел высокий молодой мужчина. У него действительно было очень выразительное лицо с рельефными скулами и высоким интеллигентным лбом. Татьяна подумала, что ее знакомые скульпторы многое бы дали, чтобы заполучить такую модель. Когда она уже собиралась отвернуться, он вскинул голову, встретился с ней глазами и открыто улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

Татьяна смущенно потупилась, не ответив на улыбку. Сестра подмигнула ей, не скрывая воодушевления.

– Симпатичный, правда? Ты давай, не стесняйся! Видела, как он на тебя посмотрел? Улыбнись ему пару раз, и дело в шляпе!

Возбужденно посмотрела на мужчину и запихала в рот целое пирожное. Давясь, с трудом прожевала, бормоча:

– Эх, жаль, что я замужем! Такой редкоземельный экземпляр! – и с намеком кивнула сестре, наставляя на путь истинный. – Но ты – свободная личность, так что действуй!

Почувствовав растущее беспокойство, Татьяна пожалела, что пришла сюда. Настя изрядно любила разного рода малоприличные шалости и рискованные приключения. Вот и

сейчас она с неприкрытым интересом рассматривала незнакомца, явно обдумывая очередную попытку свести его с сестрой.

Внезапно Настя встрепенулась, поспешно закинула в рот последнюю ложку мороженого, схватила сестру за руку и потащила к выходу, не давая сказать ни слова. Когда они с размаху налетели на уходящего мужчину, Таня поняла причину дикой спешки.

– Ой, извините, пожалуйста! Мы вас не заметили!

Татьяна иронично скривилась, с неммым упреком глядя на сестру. Не заметить почти двухметрового мужика надо было суметь. Зато мужчина оживился, снова обаятельно улыбнулся, и пропустил их вперед. Настя, ожидая продолжения, вопросительно посмотрела на него.

– Вадим! – мужчина несколько наигранно приложил руку к груди и поклонился.

Не дожидаясь содействия от сестры, Настя тут же взяла бразды знакомства в свои руки.

– Я Анастасия, а это моя сестра Татьяна. – И, чтобы не возникло недоразумений, шустро познакомила его с их семейным положением, впрочем, несколько закамуфлировав для приличия. – Я у нее в гостях, ненадолго, всего до завтра, надолго детей с мужем не оставишь, за ними глаз да глаз нужен. Не то что Таня – она пташка вольная, ни мужа, ни детей.

Вадим, оценив ситуацию, обрадовался. Он сразу положил глаз на бронзоволосую красавицу. Но она смотрела на него вовсе не приглашающим к знакомству взором, а, наоборот, явственно рекомендуящим: иди-ка ты своей дорогой! Обратившись к Насте, недвусмысленно пригласил ее в союзницы:

– Какое совпадение! Я тоже холост. Но не это главное. Как приятно, что вы, Анастасия, тоже приезжая. Если не против, погуляем все вместе по городу? – немедленно получив ее горячее одобрение, повернулся к Татьяне и вкрадчиво попросил: – Таня, если вы местная жительница, не могли бы вы подсказать нам, куда здесь можно пойти в субботний день? Дело в том, что я из Питера, здесь в командировке, и буквально изнываю от тоски. Вы, наверное, знаете, как это бывает – один в чужом городе.

Настя чуть не взвизгнула от восторга. Не дав сестре вставить и слова, начала быстро перечислять увеселительные заведения, куда не прочь была бы прогуляться сама. На кислую Татьянину физиономию они внимания не обращали.

Кончилась их миленькая беседа тем, что Таня вместо спокойного субботнего отдыха весь день провела в рысистых бегах по историческим и развлекательным местам краевого центра. Больше всего Насте понравилось, что Вадим нигде не давал им платить за себя самим, и, несмотря на явное недовольство Татьяны, все билеты покупал сам, объясняя это тем, что пригласил девушек он, нарушив их субботние планы.

Под конец дня, добравшись до очередного кафе, она шлепнулась за столик, вытянула гудящие ноги и с гневом выслушала откровенное сватовство сестры:

– А Татьяна у нас художница! И очень хорошая, между прочим! К тому же красавица, от поклонников отбоя нет!

Вадим с искренним уважением посмотрел на визави.

– Да что красавица, я давно разглядел, не слепой. А вот что художница, это замечательно. В каком жанре вы предпочитаете работать?

Татьяна сухо ответила, давая понять, что не хочет распространяться на эту тему:

– Пейзаж.

Он понял и продолжать эту тему не стал, легко переведя разговор на увиденные сегодня в художественной галерее шедевры. Татьяна перевела дух и порадовалась своей сдержанности – о путешествии своих картин за рубеж она родным не сказала. И, как оказалось, это был очень предусмотрительный поступок.

Сестра, конечно, хотела как лучше, но получалось это у нее на редкость топорно. Татьяна периодически нервозно вздрагивала, слыша бестактные попытки сестры расхваливать ее, как засидевшуюся в девках невесту. Но Вадим только с успокоительной усмешкой поглядывал на

девушку, намекая, что он всё прекрасно понимает и слова рьяной свахи всерьез не воспринимает.

Расстались уже глубоким вечером у гостиницы Вадима. Он настойчиво желал проводить милых дам домой, но Настя категорически воспротивилась.

– Что вы, мы ведь знаем город, как свою пригоршню, – она потрясла сжатой ладонью перед его носом, – а вы, не дай Бог, заблудитесь! Вы лучше позвоните нам через полчаса, и мы доложим, как добрались.

Заметив в глазах Татьяны нешуточную тревогу и не понимая, чем она вызвана – нежеланием продолжать с ним знакомство или беспокойством за него, Вадим нехотя согласился. Записал продиктованный Настей номер, и они расстались.

Едва сестры добрались до комнаты, как зазвонил сотовый. Настя взяла трубку, и, произнеся в нее пару ничего не значащих междометий, передала телефон сестре.

Мягкий голос Вадима окутывал сознание, как ватой.

– Таня, я очень рад, что с вами всё в порядке. Всё-таки не дело, когда женщины провожают мужчин! – он помолчал, собираясь с мыслями. – К сожалению, послезавтра я уезжаю, как и говорил. Может быть, вы сможете встретиться со мной еще раз? – и уже решительнее добавил: – Вы мне очень понравились!

Татьяна замерла. Она не любила причинять людям боль. Но выхода не было. Утешив себя, что это как ампутация – сначала больно, а потом все быстро заживает, мягко произнесла:

– Спасибо за комплименты, Вадим! Но, думаю, вы многим их говорите! Я уверена, что встречаться нам ни к чему. – И слегка покривив душой, поблагодарила: – Спасибо за чудесный день! До свидания!

Стоявшая рядом и слышавшая весь разговор Настя в ужасе схватила за сердце.

– Танька, ты с ума сошла! Зачем отшила такого парня? Умный, симпатичный, с деньгами, и, что самое главное – не женат!

Сестра резко остудила ее пыл.

– Откуда ты знаешь, женат он или нет? Это ведь только его слова, документы ты не смотрела! Да если и штампа в паспорте нет, это ничего не значит. Сейчас половина супружеских пар не регистрируется. И разве ты не заметила, как он похож на Толика? Такой же обаяшка.

Анастасия не согласилась. Укладываясь на разложенной посредине комнаты раскладушке, позаимствованной ради такого случая у Зины, разочарованно выговорила:

– Да после Толика ты от всех мужиков шарахаешься, как кобыла от кнута! Так и проживешь всю жизнь одна в жалкой общежитской комнатенке!

На следующий день расстроенная Анастасия демонстративно уехала домой утренним автобусом, не дожидаясь вечера, а Татьяна продолжала раздумывать, – не станут ли вещими сказанные в запале злые слова?

Около полудня вымылась, простояв целый час в очереди в женский душ, работавший два дня в неделю. Вернулась в комнату с полотенечным тюрбаном на голове как раз в тот момент, когда на журнальном столике истошно зазвонил оставленный ею телефон.

Она неохотно подняла трубку и тут же об этом пожалела.

– Добрый день, Таня! Вы наверняка недовольны моей настойчивостью, но я сижу один в гостиничном номере и умираю от скуки. Кроме вас, знакомых у меня в этом городе нет. Вы не могли бы мне помочь? Давайте сходим куда-нибудь?

Он напомнил ей Анатолия, который тоже был уверен, что она существует исключительно для того, чтобы развлекать его драгоценную персону. Ответила, стараясь скрыть панику:

– К сожалению не могу. Я только что вымыла голову, фена у меня нет, и сохнуть волосы будут долго. К тому же у меня масса дел. Уж извините. Думаю, что с вашей внешностью и обаянием вам найти спутницу не проблема. До свидания. – И положила телефон, долго еще после этого глядя на него, как на опасную змею.

Дела действительно были, в этом она не соврала. Распустила старую вязаную кофту, вышедшую из моды, пропарила шерсть на водяной бане, чтобы распрямить, и начала вязать шапочку, фасон которой перерисовала из журнала «Бурда». Связала половину, размышляя о композиции новой картины, когда раздался настойчивый стук в дверь. Она отложила вязание, и, недоумевая, пошла отворять. Кто бы это мог быть? На вопрос «кто там?» прозвучал озадаченный голос вахтерши тети Любы:

– Да тут к тебе, Таня, молодой человек.

Уже поняв, кто это, Татьяна обречено открыла дверь. На пороге и в самом деле стоял Вадим, несколько смущено улыбаясь.

– Здравствуйте, Таня! Не ждали?

Она поблагодарила тетю Любу, с горящими глазками оглядывавшую гостя, и посторонилась, пропуская его в комнату. Закрыла двери и только тогда устало сказала:

– Ну, зачем вы так, Вадим? Разве не понятно, что я продолжения знакомства не хочу?

Он стянул с головы черную трикотажную шапку и с мягким укором посмотрел ей в лицо.

– Да я уже понял, что вы пуганая птичка. Но я после единственного щелчка по носу сдаваться не собираюсь. Я ведь уже сказал вам, что вы мне очень понравились. Ваша сестра с удовольствием сообщила мне адрес вашего жилища, и вот я здесь. Хотя вам это и не нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.